

ЭПОХА ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ИЛЛЮЗИЙ

А.А. Воронин
Институт философии РАН

Аннотация: *В статье на примере истории журнала «Философские исследования» обсуждается подъём, расцвет и угасание просветительских настроений в 80–90 гг. прошлого века, связанные с деятельностью «шестидесятников» в нашей стране.*

Ключевые слова: *философия, философское поколение, шестидесятники, журнал «Философские исследования».*

Не берусь рассуждать обо всех шестидесятниках, эта тема слишком многогранна, я буду говорить о некоторых тенденциях на примере журнала «Философские исследования», главным редактором которого я был в 90-х гг. Мне кажется, что, заявив о себе как о ярком феномене философской и общественной жизни в 60–70 гг., шестидесятничество расцвело в 80–90 гг., когда стали проявляться плоды гласности¹. В 1990 году была отменена цензура, ликвидирован Главлит. То, что варилось под крышкой идеологического контроля, стало актуальным содержанием профессиональных и публичных дискуссий. В эти годы – в 1992 г. – при редакции журнала «Вопросы философии», главным редактором которого был Владислав Александрович Лекторский, возник Московский философский фонд. В основном усилиями В. Мудрагея и Б. Пружинина. Он просуществовал до 2010 года, и уже в первые годы своей деятельности успел выпустить целую серию книг по философии, в том числе около 20 томов произведений русских дореволюционных философов. Одним из проектов Фонда был журнал «Философские исследования», куда меня пригласили главным и единственным редактором. Замысел был такой: журнал неподцензурный, независимый, учредитель – МФФ – никакого участия в издании журнала не принимает, денег на издание нет, чтобы покупать бумагу и платить типографии, надо сделать публикации платными для авторов. Такого ещё не бывало в те года, и казалось очень экзотическим планом.

¹ В 1987 году вышла эпохальная книга Б.А. Грушина «Массовое сознание», в которой он по его признанию сделал своё самое важное открытие – феномен массового сознания. В 1989 году защитил докторскую диссертацию Ф.Т. Михайлов «Общественное сознание и самосознание индивида». С 1988 года В.И. Толстых ведёт в Институте философии ежемесячные занятия интеллектуального клуба «Свободное слово». В 1988 г. был организован ВЦИОМ (Т.И. Заславской, Б.А. Грушиным, Ю.А. Левадой). Вышла книга П.П. Гайдено «Эволюция понятия науки: формирование научных программ Нового времени (XVII–XVIII вв.)» [Гайдено 1987]. В 1991–1999 годах последователями Г.П. Щедровицкого издавался журнал «Вопросы методологии». И так далее.

Основная идея проекта состояла в демократизации философской жизни, попытке вывести философскую мысль из-под тяжкой длани руководства. Причём, отнюдь не только догматического, партийного, цензурного и мало профессионального. Был ещё один существенный нюанс. В нашем цехе – не только в Институте философии, а вообще в среде философов, – были сильны неписанные правила. Жизни, работы, подчинения, защит диссертаций, публикации книг и статей, – вообще правила, определяющие место человека в сообществе. И, разумеется, продвижения. Там важную роль играли статусные и возрастные позиции, конъюнктурные соображения, гибкость или, наоборот, радикализм характеров и позиций. Помню, как мне деликатно заметили мои старшие товарищи на семинаре, где я делал аналитический обзор нашей литературы по общей теме исследований: «Не по чину берёшь, молодой человек, аккуратнее надо быть с авторитетами». При этом содержательно все были согласны с моими оценками, а вот стилистика оказалась слишком фронтёрской. Так вот, новый журнал был призван как-то повлиять на эту ситуацию, использовать открытые, рационально обоснованные регулятивы, в целом демократические порядки, опирающиеся на академические представления о научном счастье. К этому времени журнал «Философские науки» закрылся – в 1991 году, оставался журнал «Вопросы философии», в который пробиться было очень сложно, и при университетах выходили малыми тиражами Вестники и Учёные записки. И других вариантов практически не было. Эти издания обслуживали в основном соискателей диссертаций и профессорско-преподавательский состав соответствующих ВУЗов. В них как раз процветали неуставные, но твёрдые порядки субординации. Не буду цитировать популярное некогда сочинение Ирины Грековой «Кафедра», замечу лишь, что власть в научном сообществе чувствовалась повсеместно – например, шалости со студентками считались законным бонусом за самоотверженный труд на ниве воспитания подрастающей смены.

И вот здесь была первая «просветительская» ловушка – казалось, что раз разумно, стало быть, можно сделать проект действительным! Поначалу так оно и оказалось – какой-то знакомый художник сделал привлекательный эскиз обложки, кто-то подсказал дешёвую типографию, на первый номер где-то нашлась бумага, дело было «только» за портфелем. И тут на «ура» нашлись среди коллег энтузиасты, согласившиеся на безгонорарные публикации – ради поддержки первого независимого философского журнала. Первые номера порадовали всех – и учредителей, и читателей, и нас: нас уже ко второму номеру стало двое, в редакцию вошла Люся Краснянская, замечательная женщина и превосходный редактор. Денег мы с ней не получали, казна проекта изначально была пуста. Вторая ловушка (хотя первая ещё не хлопнулась) ждала меня за пределами журнала. Я отправил около полсотни писем по адресам предполагаемых спонсоров – со всех сторон мне говорили, что такому замечательному начинанию обязательно помогут состоятельные люди, ведь это логично – помочь независимому журналу демократизировать философскую публицистику вместе с философскими профессиональными текстами. Логично, значит разумно, а разумно – значит можно сделать действительным. Вслед за письмами, которые улетели в почтовые пространства и остались без ответа, я по совету мудрых людей сам отправился по списку рассылки – пешком, в смысле лично. Был принят и даже обласкан в десятке пиаровских отделов, оставлял рекламный проспект, убеждал словами, говорил о важности и актуальности... но ничего не добился. За все время моей работы в журнале мы получили поддержку: один раз от Института философии (вышел очень содержательный номер), от фонда Сороса – на круглый стол по философии образования и от РГНФ на компьютер и принтер. И все. Моё убеждение в том, что благое дело будет востребовано, пошатнулось в первый раз. Забегая вперёд, скажу, что полностью оно было развеяно с ликвидацией РГНФ, уже много лет спустя.

Мои коллеги по институту восприняли журнал по-разному. Кто-то с восторгом, кто-то скептически, кто-то вообще настороженно: виданное ли дело! Независимый журнал! Знаем мы таких независимых, наверное, за этим стоит что-то сомнительное! Известно, что. Извест-

но, кто! Были и косые взгляды – да кто он вообще такой, откуда взялся такой прыткий – без году неделя в Институте, и уже глядишь Главный редактор! Выскочка! Карьерист! Сомнительный, амбивалентный тип! (это цитаты из личных разговоров, и из достоверных слухов и сплетен). Я был очень раздосадован таким поворотом, и моя просветительская доктрина дала мелкую трещинку. Которую, кстати говоря, удалось довольно быстро зашпатлевать успешными выпусками журнала в течение первых двух-трёх лет. Журнал выходил раз в квартал и был довольно содержательным и многотемным, у нас были авторы отовсюду – из академической среды, с периферии, из-за границы, из Академий союзных республик, из ВУЗов, в первую очередь из МГУ, ну и так далее.

Важно рассказать о контексте появления этого проекта. В 60-е гг. в отечественную культуру вернулась эпоха Просвещения. Я оперирую здесь вот таким понимаем просветительства: система ценностей, в которой разум есть критерий добра и зла, все люди стремятся к справедливости, которую устанавливает разум; нравственное сознание, совесть, долг и честь, порядочность суть плоды «естественного света разума». Как выразился А.А. Гусейнов в замечательной книге «Философские поколения», «жить по разуму»². Такое понимание близко было не только интеллигенции, но и народным массам, правда не всем. Если присмотреться, там же можно было усмотреть коллективизм, альтруизм, расовую и национальную толерантность и ещё десятка два-три соответствующих ценностей.

Пролетарская культура, которую затем сменила культура развитого социализма, доказала свою нежизненность. Новые поколения людей, новые послевоенные веяния, новые социальные задачи и условия – как ледоход смели нелепые конструкции «социалистического образа мысли». Не сразу, конечно, в 60-е гг. это были первые трещины, за которыми потом последовал полномасштабный ледоход. И вот он-то как раз и пришёлся, как мне кажется, на 80–90е гг.

С одной стороны, возник запрос на понимание того, что происходит и в стране, и в её отдельных сферах – экономике, политике, культуре, религии, и самое главное – что представляет собой советский человек и каковы пути его исторической эволюции. Социализм закончился большим туманом в головах людей, и не меньшей сумятицей – в головах учёных гуманитариев. Но чтобы понять, надо было прежде сменить инструментарий познания. А с другой стороны – стали на ноги профессионалы – учёные, политики, писатели, журналисты, управленцы, – которые взялись за реформы в своих областях работы.

Начало 90-х гг. было рубежным временем для философии в нашей стране. Выход «из плена» имел несколько этапов. Прелюдией было творчество ярких, самобытных, первоклассных философов, которые шли в фарватере марксизма и практически исчерпали его потенциал – сначала Д. Лукач, за ним Э.В. Ильенков, М.А. Лифшиц, отчасти М.К. Петров, Б.М. Кедров, В.Ж. Келле, В.М. Межуев, Ф.Т. Михайлов, В.И. Толстых и другие.

Следующее за ними поколение философов не столько были озабочены чистотой доктрины, сколько постановкой и исследованием сугубо философских проблем – науки, общества, истории, человека. Но аккуратно, чтобы не дразнить гусей, не афишируя своих неправых позиций. Пожалуй, только Т.И. Ойзерман решился на публичное обоснование своего «ревизионизма» [Ойзерман 2005]. В книге, собранной Ю.В. Синеокой, очень подробно показан приход в философию новых имён и новых времён. Перечислять имена не имеет смысла, практически это все заметные фигуры начала 60–70 годов. Важно отметить, что феномен шестидесятничества не ограничивался философией, хотя философы и сыграли важнейшую роль. Об этом прекрасно написано в книге Светланой Сергеевной Неретиной. Но это была смысловая раскочка, подготовка к освобождению от плена.

² «Это было философское движение просветительского типа. Его девиз можно было бы сформулировать так: "Человек может жить своим умом и должен жить им". Задача же философии – обосновать это» [Гусейнов 2022: 250].

Радикальный шаг в начале 70-х гг. был связан с работой ИНИОНа. Революционная роль этого Института уже стала предметом исследования³. Мне остаётся только подчеркнуть, что до эпохи ИНИОНа философы работали с литературой, как правило, «под тему», статью или книгу, курс лекций или коллективный труд. ИНИОН расширил круг литературы, которая была практически неизвестна специалистам. Интересы исследователей стали раздвигаться за счёт реферативных изданий, сборников тематических обзоров, публикации подробнейших библиографических сборников. Особый интерес вызывали справочные издания о зарубежной философии и социологии. Это немедленно отразилось на самом типе работы, на требованиях к ней, на невиданных ранее возможностях дискуссии с новыми доктринами, концепциями, теориями и т. д. В 80–90 гг. книги по философии, подготовленные уже по новым стандартам качества, большими тиражами попадали в университетские библиотеки, появилось много переводных работ, возникли супермодные авторы и влиятельные школы – ну может быть не только из-за ИНИОНа, но благодаря ему. Шлюзы распахнулись.

Второй шаг был связан с преподавательской деятельностью и публикациями шестидесятников. Философия перестала быть служанкой идеологии – как раз усилиями шестидесятников. Студент шел изучать философию не ради партийной или административной карьеры, а ради самой философии. В сочетании с качественным преподаванием это дало прорывной эффект, обучение на философских факультетах стало профессиональным, качественным, радикально поменялся этос студенчества и самого предмета. Обращаясь опять к книге «Философские поколения», нельзя не заметить, что многие преподаватели – в МГУ, ГАУГН, ВШЭ и в ряде провинциальных ВУЗов – стали настоящими наставниками, учителями профессии и жизни, определившими жизненные траектории студентов. И эту миссию они сумели передать своим ученикам, так что университетская педагогика стала настоящей школой профессионального и личного роста. Об этом пишут практически все авторы разделов книги, начиная от 80-х гг., и до самых последних, нынешних лет. Первым абзацем студенческих и научных работ уже не были мантры о съездах, классиках и основоположниках, генсеках и директивных документах. Диссертации, подготовительные работы, научные мероприятия перестали быть ритуальными словоизвержениями, они стали интересными, содержательными, разношёрстными. Вот под это дело и задумывался журнал «Философские исследования», чтобы отвечать новым потребностям нашей дисциплины, а может быть – и формировать новые контуры публикационной активности.

Третий шаг связан с появлением поколения молодых талантливых хорошо подготовленных научных кадров. Этот период уже приближался к рубежу 1990–2000-х годов. В это время стала складываться парадоксальная ситуация – кадры философов стали профессиональнее, классных книг и статей по философии стало больше, а зарплаты оставались на нищенском уровне, и проблема невостребованности философского знания стала ощущаться все острее. Возможно, не только философского, а более широко – гуманитарного – в том числе исторического, социологического, демографического. О причинах я здесь не говорю, это особая тема исследования. Но пример приведу. В 90-е годы Б.А. Грушин был введён в Президентский совет, он очень ответственно к этому относился, питал те же самые просветительские иллюзии, что может быть полезен и как учёный, и как прекрасный организатор науки. Но примерно через полгода он вышел из этого совета, убедившись, что никому там дела нет не только до науки, но и до интересов страны в целом. «Люди заняты решением личных вопросов, и все, что им мешает, они тормозят и отвергают» – так приблизительно он отзывался о приближенных к верховной власти персонажах⁴. Это был первый звоночек, не все его услышали, не все придали ему должного значения. Ведь на этом третьем этапе философия

³ См., например, замечательное интервью с Ю. Борко: Интервью Наталии Деминой... 2019.

⁴ Были исключения. И.Т. Фролов был членом ЦК КПСС (1986–1991), секретарём ЦК КПСС (1989–1990), в 1990–1991 годах – членом Политбюро ЦК КПСС (1990–1991). В 1987–1989 годах – помощник по идеологии Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева.

обрела почву под ногами, сообщество стало зрелым и активным. Если посмотреть, например, годовые отчёты ИФ РАН, выходящие отдельными брошюрами, видно, насколько активно люди работают и публикуются. И Институт философии был не один такой продуктивный, так же плодотворно работали факультеты ВУЗов, в других городах, в других университетах. Выходило множество новых философских журналов, требования к качеству статей значительно возросло, нормальная научная жизнь стала привычной и отрадной. То есть несмотря на равнодушие к философии на верхних этажах власти, внутри сообщества дела шли прекрасно. Эта эйфория свободного поиска, совместной работы, увлекательного творчества, – только сегодня понимаешь, как она была драгоценна и, увы, недолговечна... – вот она и была пиком просветительского восторга. Эти тенденции (невостребованность и эйфория) развивались сперва параллельно, пребывая в разных социальных плоскостях. Но постепенно и плоскости пересеклись, и тенденции стали теснить друг друга. Вообще, шестидесятничество – это не временное, а культурное явление, оно, раз возникнув, длится во времени, испытывая разные превращения, и взаимодействуя – успешно и не очень – с альтернативными культурными и антикультурными тенденциями. «Философски единые поколения определяются в конечном счёте не чисто возрастными факторами, а скорее сходством ориентаций, ценностей, установок» [Мотрошилова 2022: 321].

Сегодня ситуация изменилась, она уже не может быть рассмотрена как побег из плена, однако философия теперь стала активно мешать праворадикальным кругам, теснящимся во круг власти, и поэтому превратилась в объект нелепых, глупых, провокационных нападок проплаченных журналистов и «истинно патриотических» публицистов. Скандалы последних двух лет, связанные с наскоками на ИФ, хорошо известны. Причём, как ни удивительно, активным разоблачителем вредительской роли философии вообще и Института философии, в частности, выступает фронт бойцов патриотического призыва, включающий в себя людей, далеко не посторонних ни для философии, ни для философского сообщества – вдова А.А. Зиновьева, сотрудник ИФ А.В. Черняев, некто Д. Винник, защищавший докторскую диссертацию в Институте философии. Зато неудивительно, что возглавляет этот фронт «Царьград» К.В. Малофеева.

Сегодня можно уверенно говорить о крахе незавершённого проекта – Просветительской реформы. Можно усмотреть причины этого в реформах и оптимизациях образования и культуры. Начиная с детских садов, затем в школах и других учебных заведениях воспитание строится на так называемом патриотизме, правильном понимании истории страны и точно таком же правильном представлении о морали, праве и достоинстве. Можно считать СМИ тем местом, откуда тянется антипросветительская волна. Можно полагать, что кадровая политика – принимать не умных, а верных – постепенно захватила массовое сознание. А можно не обрывать этот список и считать, что все вместе и кое-что сверх того и привели к смене парадигм. Крах просветительской иллюзии – в том, что в отечественной культуре сменились вехи. Разумные правила, понимание, разум, мораль, порядочность, гуманизм – не главное в поведении. Доминанты массового поведения – преуспевание, карьера, благополучие, принципиальная беспринципность, глухота к индивиду и его достоинству. Сами по себе эти ценности, может, и не плохи, и не хороши. Но они вытеснили из пространства культуры ценности Просвещения. Поэтому их невостребованность оказалась не случайной. Трудно судить, насколько сознательно политика государственных институтов была направлена на возрождение варварства, дикости, мракобесия, – но эффект налицо. Просветительство имело огромную аудиторию, было вписано как важнейший компонент в культуру. Но сейчас ареал просветительства сжался до минимума. Гуманитарные науки и гуманитарное сознание потерпели сокрушительное поражение от идеологического дикарства и вандализма. Прекратились споры о месте и роли интеллигенции в обществе – на поверхности общественной жизни нет ни места, ни роли, ни интеллигенции, ни общества. Главное – мимикрия. Все всё понимают, но это ровным счётом ничего не значит: деньги, страх и карьеризм полностью руководят

огромным числом людей. Логика тут простая – централизация власти может быть сколько угодно неэффективной экономически, демографически, социально, культурно, экологически – это второстепенные заботы власти. Главное – сосредоточение ресурсов для раздачи милостей и наказаний. Как говаривал В.И. Ленин «политика имеет приоритет перед экономикой». И вслед за ним партийные товарищи поднимали палец вверх: «это вопрос политический!» И все соображения о пользе или вреде, эффективности или наоборот, – снимались. Антураж изменился, суть осталась. *Инициативное послушание* – это новая государственная религия, люди поклоняются совершенно очевидно лживым выдумкам, заменившим реальность. Пропаганда вынесла мозги широким народным массам. Массовое сознание стало жертвой массового гипноза, организованного безвкусно и лживо, но очень эффективно. Все базовые ценности Просвещения отвергнуты, им на смену пришли соображения подневольного страха, недобровольной лояльности, холуйства и жестокости.

Контекст более или менее понятен. Вернёмся к журналу. Активная фаза выхода журнала – с 1993 по 1995 годы, затем годичный перерыв, связанный с моей стажировкой в Германии. Следующая фаза начинается с 1996 года. Времена, как все помнят, непростые. Слом всей «надстройки», если пользоваться прежней терминологией. Атаки на Академию. Месяцами не платили зарплату, и без того мизерную. Исход учёных из институтов. Лихорадило не только науку, но и весь общественный организм. Либеральные реформы и либеральные ценности стали ширмой, за которой творились кровавые дела. Естественно, это отражалось и на ситуации с журналом. То спад, то подъём. Каждый номер – победа в борьбе со многими трудностями. В 2003 г. – попытка возрождения, смена учредителей, надежда на поддержку, на подписку, которую мы осуществляли через каталог журнальных изданий.

Первые годы были самыми продуктивными. Здесь нет возможности подробно излагать историю журнала, да это и не входит в мои намерения – речь-то идёт не столько о журнале, сколько о расцвете и закате просветительских настроений, уже через призму журнальной истории. Но некоторый фактический материал все же необходим для понимания сути дела.

Уже во втором номере – он вышел в 1993 году – оглавление выглядело весьма недурно. Открыла номер статья Нины Степановны Юлиной «Введение в философию: два подхода», задавая тем самым просветительно-педагогический вектор направленности журнала. Ей вторили статьи Ф.Т. Михайлова «Философские традиции и исторические практики», В.С. Степина и П.С. Гуревича «Философская антропология: очерк истории (программа курса)», французской исследовательницы Катрин Малабу «Преподавание философии во Франции: прошлое и будущее», разработка идеи культурно-образовательного центра как альтернативной образовательной стратегии командой под руководством Ф.Т. Михайлова. В рубрике «Философия в жизни» опубликованы статьи А.Ф. Зотова и Н.М. Смирновой «Метафизика свободы», последняя статья Юрия Александровича Замошкина «Бизнес и мораль» (увы, с некрологом), тексты Б.В. Дубина и А.В. Толстых, публикация в переводе трёх лекций К.Г. Юнга «Аналитическая психология и воспитание», статьи наших зарубежных коллег, которые продолжили сотрудничество с нами и в последующих номерах – это Евгений Ламберт с воспоминаниям о Борисе Пастернаке, Якоб Шер из Франции с программной статьёй «Россия – Восток или Запад?» Надо сказать, что многие темы потом стали предметом очень широких дискуссий в академической литературе, правда без ссылок на журнал. Сначала мы не обращали внимания на это – важен ведь не приоритет, а сам факт запуска тематики в научный оборот. Потом это стало огорчать, но не слишком. А вот когда обобщающие исторические сборники о текущей философской жизни вроде книги «Философский журнал как феномен интеллектуальной культуры» [Философский журнал... 2017] вообще не упоминают о «Философских исследованиях», это неприятно удивляет.

В дальнейшем журнал пытался держать баланс между теоретическими статьями и прикладными исследованиями. Ну вот, например, в номере 2 за 1995 год была статья Ф.Т. Михайлова «Креативность самосознания: способ полагания проблемы». Это был сжатый про-

спект большой работы, которая потом превратилась в серию публикаций, в том числе и книжных. Моя статья «Подходы к исследованию сознания» была результатом работы над темой сектора Б.А. Грушина о реальности общественного сознания в нашей стране. А.И. Мирякин в статье «Начала трансцендентальной психологии восприятия» изложил результаты многолетней экспериментальной работы своей лаборатории в Институте психологии по моделированию восприятия. Тот же Е. Ламперт, авторитетный английский мыслитель русского происхождения, дал очень глубокие размышления «О путях русской интеллигенции». М.И. Штеренберг размышлял «Об экономическом и духовном смысле истории». А чтобы не засушить читателя, мы придумали рубрику «Вероятное и неочевидное», в которой печатали рискованные, иногда завиральные статьи с парадоксальными идеями и мыслями.

Мне как главному редактору доводилось писать то вступительные статьи, то просто публиковать свои работы, среди которых мне больше всего запомнился перевод с английского (и с немецкого, я сверял тексты) книги Халила Джибрана «Пророк» (в № 2 за 1997 год.) Этот текст меня очень взволновал, я решил рассказать о нем свои детям, но увлекся и решил его перевести целиком. Переводил его чуть не полгода, чтобы сохранить прелесть и колорит оригинала, ведь автор – ливанец, почти всю жизнь проживший в Америке, сам был как пророк, по крайней мере его считали просветленным. В этом же номере вышла и последняя статья Саши Толстых, он внезапно умер в самом расцвете своей научной карьеры, был полон замыслов и надежд... Статья тоже очень важная для него – «Три грани личности», он собирался развивать свои схемы и в книги, и в эмпирические исследования по социологии образования.

Пробовали мы активные методы работы с авторами, такие, как круглые столы, приглашая видных специалистов с известными именами. Один такой круглый стол получил поддержку от фонда «Институт Открытое общество», в № 1 за 1999 год напечатан обзор круглого стола по философии образования. Там выступали Н.С. Юлина, В.П. Зинченко, Ф.Т. Михайлов, Н.Т. Абрамова, О.А. Воронина, В.В. Пирожков, другие учёные.

Было много и других интересных эпизодов в истории журнала, но не они служат предметом нашего интереса. Заметно было, что к концу десятилетия – 90-х гг. – издательская стратегия журнала начала буксовать. Несмотря на подписку через Роспечать, которая приносила какие-то деньги, их не хватало на типографские расходы, не говоря уже о том, чтобы печатать статьи авторов бесплатно. Идеологическая неангажированность журнала – принципиальная! – обернулась всеядностью, стремление демократизировать процесс публикаций привело к «демократизации» смыслового содержания текстов. Номера стали какими-то вялыми, невкусными, общая усталость и уныние проникли и на страницы «Философских исследований».

К концу тысячелетия мы столкнулись с проблемами. Появилось много новых журналов, куда более обеспеченных ресурсами, молодыми талантливыми сотрудниками, стали проявляться совершенно иные издательские стратегии и идеологии. Наверное, смысл нашего издания исчерпал себя, но мы – Л.А. Краснянская уже к тому времени уехала жить в Германию, – теперь мы были в компании с Т.Б. Дегатьковой – не поняли вовремя этих изменений. Журнал стал неинтересным, у него не было ни ВАКовского статуса, ни возможностей как-то привлекать качественные статьи. Последняя попытка спасти проект была предпринята мной кажется году в 2002–2003. Я собрал 45 подписей наших ведущих сотрудников из ИФ под письмом в ВАК, чтобы журнал включили в перечень ВАКовских журналов. К этому времени у нас уже была подписка через Роспечать⁵, – это было одним требованием, затем другие условия заключались в том, чтобы у журнала были выпускающие инстанции, и у нас появи-

⁵ Подписной индекс 82 947.

лась редколлегия⁶ и редсовет⁷, новый учредитель – Некоммерческое партнёрство «Пространство книги», то есть формальные требования были соблюдены. Но письмо осталось без ответа, а проект – без поддержки.

На смену просветительским иллюзиям, прекрасным, но не сбывшимся, пришли новые ориентации, которые мне казались – может быть и напрасно, может быть и необоснованно – эдаким родом философского пиратства, когда жадная погоня за новым – новыми идеями, новыми именами, новыми книгами – вытеснила прежние режимы и чтения, и писания, да и работы вообще. Карьерные соображения сами по себе совершенно естественны, даже можно и нужно их приветствовать, но их примат над самостоятельной, авторской, в каком-то смысле бессребренической работой меня коробил. Модными становились высокомерное самолюбование, птичий язык, нагромождение зауми и многозначительных метафор, чудовищного субъективизма, напрочь забывшего о дискурсивных обязательствах, ну и много чего другого. Но дело не в том, что творилось вокруг, дело в том, что идея журнала была исчерпана, а у нас не хватило ни возможностей, ни желания настаивать на продолжении банкета.

Гайденко П.П. 1987. *Эволюция понятия науки: формирование научных программ Нового времени (XVII–XVIII вв.)*. – М.

Грушин Б.А. 1987. *Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования*. – М.: Политиздат, 1987. – 368 с.

Гусейнов А.А. 2022. *Философия шестидесятников как общественное явление*. – *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – 2-е изд. – М.: Издательский Дом ЯСК. – 1232 с., ил.

Интервью Наталии Деминой... 2019. Интервью Наталии Деминой с Юрием Борко. – *Троицкий вариант-Наука*. – № 14(283). – 16 июля 2019 года. – Доступно: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/434796/Tak_sozdavalsya_INION. – Проверено: 23.03.2023.

Михайлов Ф.Т. 1990. *Общественное сознание и самосознание индивида*. – М.: Наука.

Мотрошилова Н.В. 2022. *О моем поколении*. – *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – 2-е изд. – М.: Издательский Дом ЯСК. – 1232 с., ил.

Ойзерман Т.И. 2005. *Оправдание ревизионизма* / Институт философии РАН. – М.: Канон+, РООИ «Реабилитация». – 688 с.

Философские поколения... 2022. *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – 2-е изд. – М.: Издательский Дом ЯСК. – 1232 с., ил.

Философский журнал... 2017. *Философский журнал как феномен интеллектуальной культуры*. Отв. ред.-сост. А.А. Гусейнов, Б.И. Пружинин, науч. ред. Т.Г. Щедрина. – М., СПб. – 471 с.

⁶ В.Л. Васюков, А.А. Воронин, А.В. Гобечия, Г.В. Гриненко, А.А. Гусейнов, Т.Б. Дегатькова, А.Л. Доброхотов, В.К. Кантор, Л.А. Микешина, И.К. Лисеев, Б.В. Орешин, В.В. Пирожков, В.Н. Порус, Б.И. Пружинин.

⁷ В.И. Аршинов, Л.П. Буева, П.П. Гайденко, Е.Д. Горжевская, В.П. Зинченко, В.А. Лекторский, И.К. Меркулов, Ф.Т. Михайлов, А.П. Огурцов, О.Ю. Фаина, Н.С. Юлина.